

О СВОБОДѢ ВОЛИ

(Февраль 1928 г.) .

Нѣтъ идеи столь возвышающей лучшія стремленія человѣка, какъ утвержденіе свободы его воли, и въ то же время нѣтъ ничего болѣе темнаго, неяснаго, чѣмъ это утвержденіе. Его неясность становится с у г у б о й какъ только вспомнимъ мы, что два слова одно неяснѣе другого слагаютъ словесное его выраженіе. Что такое «Воля»? Чѣмъ можно измѣрить «С в о б о д у»? Множественность значеній обоихъ словъ — очевидна. Множественность для ихъ сочетанія — безгранична. Однако *свобода воли* — одна идея. Смысль ея не есть простая сумма смысловъ воли и свободы взятыхъ раздѣльно. Мы вынуждены лишь начать въ такомъ планѣ нашъ анализъ.

Каждая эпоха, каждая ясно сознающая себя общественная группа, любая философская концепція, даже каждый отдѣльный человѣкъ всегда даютъ новое содержаніе обоимъ понятіямъ. Всегда рѣшеніе этой проблемы съ чуткостью термометра говоритъ объ холодности, теплотѣ или огненности основного импульса, господствующаго для этой эпохи, группы, центрального для даннаго человѣка или философской системы. По тому или иному рѣшенію всегда безошибочно можно говорить о качествѣ этого основного импульса. Попытаемся же хорошимъ утвержденіемъ свободы должнымъ

образомъ оправдать качество нашего. Религіозно-философская лѣтопись показываетъ намъ какъ необычайно широкъ діапазонъ разрѣшеній проблемы. Въ попыткахъ этихъ неуловимо смѣняются тончайшіе оттѣнки. Вопросъ такъ глубокъ, что не всякіе два человѣка, произносящіе одинаковыя формулы одно и то же высказываютъ. Необходимы дополнительные критеріи. Но, если полутоны еще сливаются въ нашемъ различеніи, то крайнія октавы встаютъ, какъ прямыя полярности. Отъ прямого отрицательнаго отвѣта, заключеннаго въ знаменитой формулѣ марксизма «свобода есть познанная необходимость», черезъ филистерское упрямство — н і е свободы «категорическими императивами» кантіанства всѣхъ родовъ и оттѣнковъ вплоть до таинственныхъ, утверждающихъ словъ: «познайте истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными». тайна которыхъ полна какой то жгучей, твердо ожидаемой правды. Діапазонъ такъ великъ, что концы его сходятся въ какой-то полярности, чувствуешь, что это уже предѣльные формулировки отвѣтовъ; дальше «вправо» отъ Христа, дальше «влѣво» отъ Энгельса идти некуда. Цикль завершёнъ. Внутри него проблема разрѣшима классично.

Мы кончимъ апофеозомъ свободности воли. Свобода есть радость — мы ищемъ ее всюду, и не отказываемся увидѣть ее въ самомъ близкомъ, въ самомъ, можетъ быть, важномъ въ человѣкѣ, въ томъ какъ разъ, гдѣ расцвѣтаетъ она самымъ пышнымъ своимъ цвѣтомъ. Но съ священнымъ чувствомъ касаемся мы священнѣйшаго въ человѣкѣ. Ясно видимъ мы затоптанное въ грязь, и почти инстинктивное чувство вынуждаетъ насъ по мѣрѣ силъ воспрепятствовать страшному дѣлу профанаціи свободы. Слишкомъ часто становилась Истина проституткой нечистой общественной воли. И

какъ воды ручья уходятъ, просачиваясь въ песчаное русло, оставляя на днѣ вязкую тину, такъ исчезало изъ хотѣній человѣческихъ все, что не было ихъ похотью. И тина этого мутнаго осадка обволакивала то, что люди дерзали называть своею свободой. Новое сознаніе, которое мы ищемъ, должно рѣзко отпечатлѣться въ предлагаемой попыткѣ нашего рѣшенія.

І. Постановка задачи.

(Двѣ свободы).

Природа воли — таинственна. Но цѣль всякаго познанія не есть уничтоженіе тайны. Познаніе не уничтожаетъ, а преобразуетъ тайну, приводитъ ее къ тайнѣ же, но тайнѣ все болѣе и болѣе сокровенной, все болѣе и болѣе очищенной. Количество таинственнаго не можетъ уменьшаться въ природѣ, но качество тайнъ улучшается въ подвигѣ познанія. Но не столько познаніе субъекта распространяется безгранично, сколько тайна сама объемлетъ познающаго, въ ней явно становится; тайна исчезнетъ не умеревъ, а преобразившись въ явь — только такъ.

Научный методъ убійства тайнъ, вмѣстѣ съ методологически-неизбѣжнымъ убійствомъ объекта изслѣдованія (въ лучшемъ случаѣ схематизации объекта: — тоже убійство въ высшемъ смыслѣ), роковымъ образомъ бесплоденъ.

На тайномъ неявномъ можно реально строить, только остеречься надо, чтобы оно не было бы столь низкопробно, какъ напимѣръ исходныя «тайны» позивитизма (ибо ясно, что предпосылки его ничуть не менѣе таинственны). Нашъ вкусъ долженъ быть выше вкуса науки, и въ дальнѣйшемъ мы это докажемъ.

Воля равна тайнѣ. Можно прямо сказать, что

волевая стихія есть самый сокровенный образъ, de Profundis, нашего «Я». Волевой стержень души — это ея скелетъ, океанъ воли бушуетъ на самомъ днѣ ея бездонности. Древній призывъ — «О, человекъ, познай себя» — лишь въ послѣднемъ своемъ раскрытіи приложимъ къ человѣческой волѣ. Волевой актъ есть всегда нѣчто, исходящее изъ глубинъ человека и непосредственно изъ нихъ. Съ него начать и имъ надо закончить.

а) Введемъ условное представленіе, важное для всего дальнѣйшаго о «волевой субстанціи» человека. Эмпирически проявленную волю мы должны отличать отъ этой субстанціи, считать послѣднюю болѣе первичной, только оформленной въ видѣ того или иного волевого акта. Говорить о ея внутреннихъ свойствахъ мы пока не можемъ. Это и есть тайна воли. Но очистить понятіе о волѣ отъ чуждаго привнесеннаго мы будемъ пытаться.

Прежде всего представимъ себѣ волю человека въ видѣ океана этой субстанціи, какъ бы заключенной внутри его души. Воды этого океана — воля, всякое проявленіе, всякій актъ воли будетъ движеніемъ конденсаціей этой субстанціи, т. е. будетъ волненіемъ нашего океана. Вызывать эти волненія будутъ внѣшнія воздѣйствія. Это будутъ взаимодѣйствія нашей воли съ окружающимъ моремъ. Задуеетъ ли вѣтеръ надъ водами нашего океана, обрушится ли въ море прибрежная скала — всему отвѣчаютъ чуткія воды. Появляется все усиливающееся, сначала беспорядочное волненіе, которое потомъ пріобрѣтаетъ формы, ритмику, отъ законовъ своего движенія, отъ свойствъ своей ксности, вязкости. Разъ возникнувъ, волны идутъ, расходясь, достигаютъ береговъ и, разбиваясь объ нихъ прибоемъ, рассказываютъ имъ о чемъ-то.

Это, въ свѣтѣ нашего образа, мы должны разсматривать, какъ окончательное психо-физическое проявленіе воли. Формы воли, ихъ скорости за-

висягть отъ свойства водъ, отъ характера перваго толчка. Иногда пробѣжить по поверхности мертвая зыбь невѣдомаго происхожденія, иногда покрыть океанъ ледяной корой, и тогда молчить, не проявляясь никакъ. И только темныя подводныя теченія оживляютъ для насъ его нѣдра. Сколько есть существъ на землѣ, волю которыхъ покрываетъ эта ледяная кора!

Сейчасъ мы займемся этими движеніями, которыя назовемъ только квази-свободными и оговоримся сразу-же, что истинно свободная воля — другая. Эта вода — ледъ, по сравненію съ настоящей водой, субстанція эта отяжеленная. Проявленіе истинной свободы соотвѣтствовало бы гигантскимъ внутреннимъ взрывамъ, воднымъ смерчамъ, цѣлымъ протуберанцемъ взлетающимъ къ самому небу. Внутренній огонь расплавилъ бы не только ледъ, сковывающій зимой океанъ, но и самую вязкость воды преобразилъ бы въ его волю.

б) При ближайшемъ разсмотрѣніи, актъ воли съ формальной стороны распадается на 3 фазы въ согласіи съ 3-мя стадіями образованія воли въ океанѣ. Первое — беспорядочное волненіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ дѣйствующей причины; (первый волевой рефлексъ на волевое воспріятіе). Это еще не сознательное волненіе, скомканное, самъ океанъ еще молчитъ, но поверхность уже заколебалась.

Второй центральный моментъ, это образованіе правильныхъ, ритмическихъ волнъ подъ вліяніемъ какъ самой воздѣйствовавшей причины и отъ закона воли, такъ и положенія собственныхъ движеній водъ и въ океанѣ. Результатъ этого сложнаго процесса есть актъ кристаллизаціи желанія (воли) изъ ряда противоборствующихъ причинъ. Онъ важенъ тѣмъ, что тутъ впервые приходится говорить о собственныхъ движеніяхъ субстанціи, т. е. не только о слѣпомъ рефлексѣ (ква-

зи свободѣ), но и о самой внутренней свободѣ.

Третья фаза — психо-физиологическая, менѣе интересная. Это проявленіе воли: — актъ идущій *вовнѣ*, завершающійся тѣмъ или инымъ физиологическимъ дѣйствіемъ или даже только помысломъ. Возникшія подъ дѣйствіемъ поступка и оформленныя въ желаніи волны океана воли теперь въ фазѣ волненія. Проявляются обратно изнутри вовнѣ, въ міръ, волны, достигая берега океана, вызываютъ эффектъ прибоа. Это есть уже дѣйствіе — результатъ волевого акта.

2. К в а з и - с в о б о д а .

Изъ этого разсмотрѣнія сразу слѣдуетъ центральность второй фазы. Насколько проста и механична сущность первой — (рефлекса) и послѣдней «волненія», настолько же сложенъ и труденъ процессъ кристаллизаціи желанія.

Нѣсколько еще не вполне оформленныхъ хотѣній встаютъ передъ нашей волей; дуютъ разныя вѣтры, поверхность океана волнуется беспорядочно. Какъ поступить, что выбрать, какъ сдѣлать это свободно, безъ всякаго по возможности посторонняго вмѣшательства. Каждая парціальная хотѣнія частью противоположны, частью сонаправлены. Всѣ имѣютъ свои «за», свои «противъ». Воля взвѣшиваетъ мотивы хотѣній, мотивы внѣшніе и внутренніе. Алгебраическая сумма мотивацій и опредѣляетъ, казалось бы, конечно, устремленіе воли. Чѣмъ правильнѣе сдѣланъ этотъ подсчетъ, чѣмъ лучше, полнѣе выставлены мотивы, тѣмъ формально правильнѣе, т. е. свободнѣе поступокъ. Или иначе: возможенъ объективный, безстрастный *выборъ* изъ ряда хотѣній, возможно точный подборъ мотивацій и возможно полное ихъ познаніе и оцѣнка опредѣляетъ въ конечномъ счетѣ возможно большую ея «свободность». Какъ ни блѣдна,

какъ ни негативна такая «свобода» никакой другой изъ позитивизскаго подхода не получить.

Когда соль потеряетъ силу, чѣмъ сдѣлать ее опять соленой?

Простая нормальность человѣческаго организма, его изолированность отъ внѣшнихъ воздѣйствій, могущихъ нарушить правильное протеченіе процессовъ: извнѣ внутрь (рефлексъ) и изъ внутри вовнѣ (воленіе) уже обезпечиваетъ, казалось бы, полностью ту формальную свободу, ту квази-свободу, которая дается нашимъ отрицательнымъ ея *опредѣленіемъ*.

Если мы не находимся въ состояніи аффекта, а дѣйствуемъ подъ вліяніемъ постоянныхъ свойствъ нашего темперамента, если исправна нервная система, передающая парціальное хотѣніе, если спокоенъ былъ океанъ воли, то мы можемъ ожидать полоненную позитивную квази-свободу. Правда, остается неяснымъ, почему постоянство чертъ темперамента указываетъ на ихъ нормальность, (точно психозъ не можетъ быть постояннымъ), почему то, что нормально для одного будетъ нормально вообще. А человѣкъ, одержимый клептоманіей? Его приходится оцѣнивать съ точки зрѣнія общихъ нормъ; онъ говоритъ такъ: у него болѣзненно возникаетъ воля къ обладанію всякихъ предметовъ. Но за то для него, инстинктъ этотъ постояненъ и вполне нормаленъ.

Представимъ себѣ на минуту, что всѣ люди на землѣ, и ученые и философы, были бы клептоманами, но въ прочихъ отношеніяхъ были бы «нормальны» и даже очень развиты. Они, разсуждая о нормальности вообще, неизбежно включали бы въ нее и понятіе клептоманіи, волю свою, подчинившуюся этому инстинкту, не считали бы въ этомъ отношеніи дефективной. Позитивный критерій обезпечилъ бы тамъ квази-свободу каждому вору, каждому маніаку, ибо эмпирически познать волю

свободную отъ воровскихъ инстинктовъ было бы на этой землѣ, населенной одними клептоманами очевидно невозможно. Даже цѣлый конклавъ мудрецовъ этой земли, которые при всей своей мудрости все-таки были бы клептоманами, не могъ бы замѣтить очевидной для насъ несвободности воровскихъ инстинктовъ. И уже насъ, свободныхъ, вообще говоря, отъ обязательности этой болѣзни, такой отвѣтъ не удовлетворитъ, хотя уличить тамошнихъ мудрецовъ въ ошибку такого рѣшенія, оставаясь на позитивной платформѣ, мы очевидно не сможемъ. Между тѣмъ, кто поручится, что въ нашемъ кругѣ нѣтъ какой-либо иной «клептоманіи». Допустимъ гдѣ-нибудь существованіе человѣчества, лишеннаго полового инстинкта. Что оно сказало бы о нашей «свободѣ», когда мы подчасъ подчиняемся этому слѣпому инстинкту? Постараемся же выйти изъ круга этихъ случайностей, попробуемъ найти дѣйствительно объективный критерій нашей свободѣ. Чтобы получить на этомъ пути полную свободу, невозмущенное проявленіе истинной окончательной сущности воли, необходимо строить образъ какого-то абсолютно здороваго человѣка въ физическомъ, психическомъ и духовномъ смыслахъ. Высокая нравственность будетъ гарантировать болѣе объективное, менѣе эгоистическое и пристрастное сужденіе, т. е. еще больше выявлять свободу, ибо тоже можно сказать и о степени познанія. Чѣмъ меньше заблужденій будетъ у человѣка въ оцѣнкѣ объектовъ хотѣній, тѣмъ совершеннѣе онъ будетъ знать себя и міръ, тѣмъ полнѣе будутъ его мотивировки, тѣмъ вѣрнѣе, безошибочнѣе потечетъ его умозаключеніе, тѣмъ проще и яснѣе пробудится въ немъ воля, тѣмъ слѣдовательно, онъ будетъ свободнѣе. Но, очевидно, что разъ начавъ этотъ процессъ нельзя остановиться на полпути (построивъ только полу-совершеннаго человѣка), и кромѣ того возмож-

ность его продолженія опирается на идеи очень и очень неясныя. Надо уже говорить не просто о нравственности, а о разныхъ степеняхъ ея — о большей и меньшей нравственности: человѣкъ не поддавшійся аффе́кту гнѣва и въ очень затруднительныхъ случаяхъ жизни поступить очевидно свободнѣе, какъ если бы онъ этому гнѣву подда́лся. Даже наши юридическія нормы знаютъ институтъ «смягчающихъ вину обстоятельствъ», такъ на примѣръ преступленіе въ пылу страсти карается меньше, ибо предполагается, что здѣсь свобода преступника неповинна и въ другихъ обстоятельствахъ онъ бы не повторилъ преступленія. Эта степень нравственности, ясности, спокойствія, мудрости сознанія, очевидно можетъ смѣниться большей степенью мудрости и этому новому состоянію сознанія будетъ соотвѣтствовать своя новая степень свободностей и т. д. бесконечно. Но плохо не то, что это вообще бесконечно, а что то, что бесконечность эта есть дурная. Есть бесконечность бѣлки, вертящейся въ колесѣ, и есть бесконечность человѣка неуклонно и неизмѣнно идущаго къ своей вѣчной цѣли. Дурная бесконечность тѣмъ отличается отъ хорошей, что она и въ своихъ предѣльныхъ моментахъ не избавится отъ тѣхъ свойствъ несовершенства, которыя она имѣла въ своемъ пути и даже въ исходѣ. На представленіи объ этихъ двухъ бесконечностяхъ остановимся подробно. Въ стремленіи какой-нибудь величины къ своему предѣлу можетъ быть два случая. Первый тотъ, что предѣлъ этотъ будетъ чѣмъ-то количественно инымъ по сравненію съ стремившимися къ нему членами ряда и второй, что предѣлъ не будетъ качественно отъ нихъ отличаться. Въ первомъ случаѣ весь процессъ философски не интересенъ; онъ не преодо́лываетъ какой-то внутренне-свойственный ему дефектъ, а беспомощно доноситъ его до своего предѣла. Предѣлъ не преодо́лываетъ этого дефек-

та. Въ другомъ случаѣ предѣлъ можетъ быть преобразеніемъ стремящейся къ нему величины и тогда объективное значеніе этого тоже безконечнаго стремленія становится громадно. Но не это имѣемъ мы въ виду, когда методомъ послѣдовательныхъ приближеній стараемся получить истинную идею свободы, очищая ее отъ всѣхъ шлаковъ, отъ всѣхъ несовершенствъ примитивнаго пониманія, ибо невытравимый элементъ абстрактности «квази-свободности» неизбѣжно остается въ этой «свободѣ», доносится до предѣла, нисколько не уменьшается при послѣдовательномъ построеніи все болѣе и болѣе свободнаго поступка. Даже самый совершенный въ этомъ смыслѣ человѣкъ не получитъ ту пламенную окончательную свободу, въ которую всѣ мы интуитивно неискоренимо вѣримъ, которая временами разгорается въ душѣ и самого несовершеннаго. У него будетъ совершенная квази-свобода и только она неизбѣжно останется холодной, выбирающей, разсудочной и никогда не сможетъ гарантировать его отъ *самой большой изъ всѣхъ возможныхъ ошибокъ*. Мы сразу же перевели разговоръ на личности, хотя это и осуждается бытовой этикой. Но здѣсь это глубоко не случайно. Наша проблема этого существенно требуетъ. Позитивизмъ поэтому и безсиленъ, что онъ пытается вездѣ и всюду иллиминировать личность. Все это относится къ квази-свободѣ. О самой свободѣ мы еще не говорили, но уже и здѣсь столкнулись съ непреодолимыми для позитивизма трудностями. Его импотентность здѣсь становится до наглядности очевидной. Такъ ничего не получишь. Поставимъ вопросъ иначе и начнемъ опять съ самаго начала.

Передъ сознаніемъ встаютъ рядъ парціальныхъ хотѣній. Воля наша должна консолидироваться съ волей нѣкоторыхъ изъ нихъ. Здѣсь поле борьбы нашей свободы съ небытіемъ или позор-

ное ея отсутствіе, какъ это чаще всего и бываетъ въ большинствѣ нашихъ поступковъ. Процессъ квази-свободы мы уже охарактеризовали: сознанию предстануть мотивы хотѣнія, алгебраическая ихъ сумма опредѣляетъ результанту, которая въ свою очередь оформляетъ волевой актъ, его направленіе. Этотъ *выборъ* изъ ряда хотѣній (замѣтимъ, что ихъ можетъ быть очень много, даже безконечное число; въ этомъ случаѣ, выборъ долженъ быть интуитивнымъ). Квази-свобода есть свобода *безпрепятственнаго выбора*, пассивная, свобода «отъ чего-то». Напротивъ настоящая свобода не есть только свобода выбора, но свобода избранія, свобода къ «чему-то», активная, творческая-утверждающая. Одна негативная, внѣшняя, отрицающая — не «то», не «то», не «то». Только лишь останавливающаяся на послѣднемъ оставшемся «это» (иногда потому и выбраннымъ, что оно осталось послѣднимъ, ибо больше выбирать не изъ чего). Только вторая внутренняя, положительная, подлинная свобода, избирающая по внутреннему призванію сразу «это» изъ ряда «это», «это», «это»... Не всегда совпадаютъ свободность съ квази-свободностью, однако обезпеченность послѣдней есть условіе возможности первой: безъ свободы выбора нѣтъ и не можетъ быть свободы избранія, но послѣдняя неизмѣримо больше. Она иногда сопутствуетъ той и никогда изъ нея не вытекаетъ. Какъ *помыслы наши не всегда* суть познанія (т. е. не всегда адекватны реальной дѣйствительности), какъ *взоръ нашъ не всегда* даетъ намъ прозрѣніе, такъ *желанія наши еще не* суть наши свободы. Напротивъ *хотѣнія наши суть чаще всего только похоти*.

Туть мы вторично соприкасаемся вплотную съ собственными движеніями океана воли. До сихъ поръ все было механично; вѣтеръ, беспорядочное волненіе, появленіе воли, ихъ продвиженіе и прибой у берега. Туть океанъ чисто пассивенъ,

никакихъ собственныхъ движеній въ немъ не происходитъ, во всякомъ случаѣ они были не замѣтны; онъ даже и не цѣненъ самъ по себѣ, въ немъ важна только возможность появленія воли по опредѣленнымъ законамъ, только его субстанціональность. Сама же субстанція играетъ роль среды и это жалкая роль.

3. С в о б о д а с о б с т в е н н о .

Теперь мы заговоримъ о собственныхъ возмущеніяхъ водъ въ океанѣ. На днѣ ли его пробудились вулканы, выбрасывающіе гигантскія скалы пламени, разбудилась ли внутри атомная энергія, но поднялись водяные смерчи, ожилъ океанъ, изнутри возмущаются его воды, гигантскими протуберанцами выкидываясь вверху, разсыпаются фонтаномъ многоцвѣтныхъ искръ-капель. Бурлятъ воды, расплавилась раньше связывавшая ихъ вязкость. И идутъ *эти волны*, сталкиваются съ волнами перваго механическаго происхожденія и смѣшанныя ударяютъ онѣ въ прибрежные камни. То, что мы до сихъ поръ рассматривали (первые типы волнъ), лишено всякой инициативы. Тамъ все косо, все квази-свободно, т. е. только нормально. Сонъ истинной воли, пассивное присутствіе сознанія давало тѣ волны. Большинство нашихъ поступковъ, нашихъ рѣшеній рождается изъ такого сна, тяжелаго, нездороваго (магнетическаго) сна, порой летаргіи и даже смерти нашей воли изъ отсутствія ея собственныхъ движеній. И это при полной нормальности физической и психической нашей организаци. И благія намѣренія наши, «безпочвенныя» мечтанія и порывы юности, такъ неизбѣжно исчезающіе отъ «умудренія» опытомъ жизни, являются сновидѣніями въ этомъ тяжеломъ снѣ. Легкія сновидѣнія, долженствующія лишь напомнить намъ о «паки бытіи», которое могло бы

поднять волю изъ летаргіи и смерти. Но мы тщательно тушимъ даже воспоминанія о нихъ, ибо они нарушаютъ спокойствіе нашего полного сна.

Свобода воли (номинальная) проявляется не только въ пассивномъ отраженіи волевой резуль-танта среды сколько въ творческомъ ей противо-дѣйствіи. Она сумма внутреннихъ импульсовъ, не изъ природы возникшихъ, реализующихся во внѣш-ніе. Душа человѣка невидимая точка въ его при-родѣ, но черезъ нее волнами изливаются въ міръ огонь и вода; природу крестящіе и преображающіе. Степень «творчественности» поступка адекватна «свободности» воли, его осуществляющей. Къ квази-свобода выбора всегда есть у нормальной, незагип-нотизированной фізіологически воли, но это лишь волевой рефлексъ, но еще не творчество воли. Поль цѣны этой свободѣ, развѣ не такая же имѣется и у камня, рабски послушнаго тяжести, — у небытія.

Мы утверждаемъ другую, творческую волю, имѣющую свободу творчества, избранія, но не вы-бора только, свободу къ чему-нибудь, а не только пассивную свободу отъ чего-то, ибо въ ней есть только отказъ, безъ яснаго радостнаго утвержде-нія того, что выбирается. Здѣсь мы только показа-ли какой не можетъ быть истинная свобода. Чтобы дать ее конкретно необходимо разсмотрѣніе не отдѣльной, изолированной воли, а воли реальной, т. е. окруженной безчисленностью другихъ на нее безпрестанно воздѣйствовавшихъ волей. Къ этому разсмотрѣнію мы и переходимъ.

Часть II. Синтетическая.

Введеніе.

Поскольку мы изучаемъ волю и только ее, намъ методологически необходимо всѣ явленія

міра розсматривать, какъ проявленія различныхъ волей. Мы беремъ міръ, какъ волю, и такъ построенный міръ является, какъ бы скелетомъ нашего реального міра, его волевымъ каркасомъ. Воля въ нашемъ мірѣ можетъ столкнуться только съ волею. Всякое *событіе* въ этомъ мірѣ будетъ актомъ воли. Вѣтеръ надъ нашимъ океаномъ будетъ также нѣкою законспирированной волею, волей другого существа, такъ односторонне только проявляющейся. Всѣ другія сущности взаимно пронизаемы для субстанціи воли, она проходитъ сквозь нихъ, какъ «г а м м а - частица» сквозь ткани нашего тѣла. У воли иной типъ бытія. Воля способна соприкоснуться лишь съ волею, и только воля воздѣйствуетъ на волю. Необходимость, косность, всякій законъ природы въ этомъ свѣтѣ будутъ тоже в о л е в ы м и категоріями — они будутъ отсутствіемъ, смертью воли, волей, сведшейся къ нулю или волей чуждою, непонятною.

Расширимъ теперь нашъ образъ океана воли.

Міръ есть совокупность несчетнаго числа океановъ волей. Эти океаны взаимопронизаны, каждый имѣетъ часть общую другимъ, нѣкоторые обособлены. Волненія и движенія въ этихъ океанахъ есть событія этого міра. Плотность субстанціи, ее окраска неповторимы различны для каждаго океана, для каждой волевой личности. Жизнь такого міра будетъ строиться, какъ результатъ безчисленныхъ столкновеній волей, ихъ рефлексовъ и собственныхъ возмущеній водъ. Роль вѣтра для индивидуальной воли здѣсь будутъ играть движенія волевой субстанціи другихъ океановъ смежныхъ съ нашими, ибо и вѣтеръ окажется актомъ нѣкой воли. Замѣтимъ, что міръ такъ построенный есть косвенное утвержденіе анимизма. Очевидно, что воля — свойство, вызывающее нѣкое единство, какую-то личность къ бытію. Мы склонны отождествлять ино-бытіе съ небытіемъ, если оно слиш-

комъ ино-бытіе, т. е. слишкомъ не похоже на наше привычное. Антропоморфизмъ недопустимый, не лучше ли считать подлинной сферой небытія быть, кусочекъ жизни, давно обращенный въ ничто или въ лже-бытіе, построенное на гордой отчужденности и самообозрѣніи. Наше построение осмысляется до конца только гносеологіей анимизма, но можетъ быть принята и другими точками зрѣнія. Всякая реальность міра — личность. Количество фиктивно; въ природѣ существуетъ только качество. Всякое событіе есть сгустокъ одной воли или сочетанія нѣсколькихъ даже безчисленныхъ. Такъ паденіе камня съ карниза будетъ сочетаніемъ пока еще окаменѣлой воли камня и волей качественною пока только, какъ законъ физической природы (законъ силы тяжести). Все разнообразіе такихъ квази-событій нашего міра будетъ рождаться изъ разнообразія сочетаній при столкновеніяхъ, разнообразія плотностей и индивидуальныхъ свойствъ субстанцій каждаго океана, и наконецъ наиболѣе всего изъ несказаннаго многообразія актовъ внутренней свободы, т. е. самостоятельнаго «возмущенія» водъ океана подъ вліяніемъ какихъ-то поддонныхъ причинъ.

Преображеніе міра должно превратить хаосъ бушующихъ волей въ космосъ, въ единство; привести ихъ въ гармонію не только не ограничивъ каждую, но, напротивъ, раскрывъ въ каждой всѣ ея потенціи. Неизреченное единство, архитектурическая группировка преобразенныхъ волей, въ ихъ движеніяхъ уже свободныхъ, свободно слагающихся въ невѣдомые ритмы и потерявшихъ всякую внутреннюю косность, это будетъ преобразеніемъ нашего волевого міра, а вмѣстѣ съ нимъ и міра видимаго, физического.

Что же не хватить намъ, какія причины мѣшаютъ этому преобразенію. Основная причина номинальная, несвободность нашей воли. Изъ-за этого

даже еще не приступлено къ разработкѣ архитектурнаго плана. Кирпичами такого зданія могутъ быть лишь дѣйствительно абсолютно свободныя воли. Матеріаль этотъ эмпирически еще не данъ, а вѣдь онъ долженъ опредѣлять собой архитектурный замыселъ. Слѣдовательно пока его нѣтъ, нѣтъ и архитектурнаго плана.

І. С у д ь б а (Идея судьбы)

Свойства каждаго океана воли различны. Прежде всего субстанціи разнятся, такъ сказать, въ своей «плотности» или лучше сказать «вязкости» въ сцѣпленіи частицъ. Эти свойства вліяютъ, даже предопредѣляютъ законы образованія воли подъ вліяніемъ вѣтра или другихъ причинъ на ихъ оформленіе и движеніе, не говоря уже о силѣ, съ которою они ударяютъ о берегъ. Свойство большей или меньшей косности субстанціи соотвѣтствуетъ въ другомъ планѣ той или иной степени несовершенства нашего сознанія, причемъ несовершенства внутренняго, самой волѣ присущаго. Эта косность — дефектъ нашей воли, фактъ констатирующій не какой-нибудь уклонъ въ ея развитіи, а просто недостаточное ея раскрытіе. Здѣсь на первый взглядъ нѣтъ какого-либо внѣшняго поработченія — это просто внутренній недостатокъ ее свободы. Не преодолевая творчески эту косность, мы предоставляемъ волнамъ оформиться такъ, какъ это свойственно даннымъ силамъ сцѣпленія, т. е. предоставляемъ дѣйствовать въ лучшемъ смыслѣ квази-свободѣ Нашъ волевой темпераментъ — опредѣленный этапъ очищенія нашей воли отъ этой «вязкости», ибо вообще путь раскрытія воли есть путь высвобожденія отъ всяческой косности, особенно внутренней. Однообразіе жизненныхъ путей людей, схожесть фазъ этого пути, тождественность многихъ человѣческихъ поступковъ все это

имѣть своимъ источникомъ эту косность первичной субстанціи воли. Только благодаря ей становится возможнымъ указать на систему фактовъ, которые осуществляются въ будущемъ съ человекомъ, если онъ не преодолеетъ или хотя бы не изменитъ присущую ему волевую косность (волевая линія силъ). Такъ возникаетъ у человека Судьба. Идея Судьбы, какъ возможности предсказанія общихъ путей жизни даннаго человека возможна и часто оправдывается именно благодаря этому ровно постольку, поскольку сильна въ насъ эта косность. Возможность предопредѣлять, совершенно отличная отъ возможности *предвидѣнья*, указываетъ на существованіе нѣкой несвободности въ нашей волѣ, причѣмъ несвободности не произвольной отъ случая къ случаю, а такъ сказать методической, постояннаго характера.

Сама косность эта не однообразна. Существующія разницы не суть только разницы въ степеняхъ ихъ раскрытія, но и качествахъ внутренней ея структуры. Одни люди уже свободны отъ простыхъ ея проявленій, другіе даже и не замѣчаютъ этой отяжеленности. Человекъ, ощущающій реально, хотя бы прообразъ своей *возможной неотягощенной воли необходимо будетъ* ощущать эту отяжеленность, какъ нѣчто ему чуждое, внѣшнее, мѣшающее, какъ нѣчто прилипшее, химически соединившееся съ его волей. Отсюда вся трудность. Химическое соединеніе, въ отличіи отъ физической смѣси, скрываетъ индивидуальность составныхъ элементовъ; соединеніе ничѣмъ не похоже на нихъ, оно, конечно, не будетъ ихъ суммой. *Эмпирическую субстанцію нашего океана мы разсматриваемъ какъ такое химическое соединеніе нѣсколькихъ волевыхъ элементовъ, однихъ привнесшихъ въ него вся отяжеленность и другихъ ее допустившихъ.* Ихъ соединеніе даетъ строй индивидуальности, форму океана. Самая глубокая изъ нихъ и является

нашей истинной, окончательной волевой субстанцией, это уже чистая, хотя и потенциальная форма божества, эхо воли закованного въ дно міра Бога. Мы должны разлѣлить чистую и косную субстанцію, предстоящую въ свѣтѣ несовершеннаго нашего разума единаго. Отдѣляя косность — преодолѣваемъ ее, преодолѣвъ всю, освободимся до конца. Трудность этого преодолѣнія можетъ сравниться только съ трудностью и тонкостью намъ предстоящаго анализа. Въ самомъ дѣлѣ тонъ нашего темперамента, нѣкоторыя его особенности и свойства, которыя ми привыкли считать своими вполне, въ которыхъ мы видимъ даже утвержденіе нашей личности, въ ея неповторимой и безконечно-цѣнной сущности, въ ея отличіи отъ другихъ столь же цѣнныхъ личностей, но цѣнныхъ именно въ своей неповторимо ти, въ своей нетождественности нашей, эти свойства отпадаютъ отъ нашего внутренняго «Я» при пристальномъ разсмотрѣніи. Нѣтъ ли здѣсь опасности умалить значеніе или даже сущность личности? Ни въ коемъ случаѣ. Очищенность волевой субстанціи съ небывалой до сихъ поръ силой и чистотой утвердить внутреннюю, бессмертную сущность личности — ея индивидуальность уже дѣйствительно неповторимую и до конца своеобразную. Личность только оболочка индивидуальности, различеніе ихъ подобно выходу бабочки изъ кокона. Своеобразность каждой личности въ этомъ пути можетъ только увеличиться. Раскраска бабочекъ предполагаетъ большее богатство цвѣта, чѣмъ однотонное однообразіе кокона. То же и въ насъ. Развѣ уже такъ не повторимы наши внѣшнія качества и свойства. Не до ужаса ли похоже у людей тысячи «собственныхъ» «неповторимыхъ» чертъ ихъ характера и темперамента, чертъ, на которыхъ обычно и строятъ храмъ нашей «неповторимости».

Сама возможность быта указываетъ на роко-

вую «повторимость» этих неповторимостей. Удивительно, до ужаса однообразно реагируемъ мы на одни и тѣ-же воздѣйствія, мы одинаково вождѣлѣемъ, гнѣваемся и гордимся. Одной давно уже избитой тропинкой приходятъ къ намъ, неповторимымъ и бессмертнымъ, соблазны и искушенія и какъ удивительно просто они побѣждаютъ насъ. Во-истину, достойно смерти все, что человекъ хотѣлъ бы видѣть бессмертнымъ, а уцѣлѣетъ для вѣчности лишь то, что мы еще и не замѣчаемъ во-все, и во всякомъ случаѣ не признаемъ за свое истинное «Я».

Самый стиль души, а вовсе не всѣ ея проявленные качества, самый строй темперамента, а не страсть и привычки намъ свойственныя и, наконецъ, наша интуитивная и религіозная чуткость а не интеллектуальное и даже моральное развитіе — вотъ что есть наше «Я», вотъ, что достойно бессмертія.

Вернемся теперь къ нашему образу. Предположимъ, насъ обуреваютъ страсти, вѣтеръ искушений поднялъ смерчи, океанъ разволновался, волны идутъ въ опредѣленномъ направленіи въ слишкомъ, увы, опредѣленнымъ берегамъ. Парціальныи волевой рефлексъ, напимѣръ, похоть или чревоугодіе вызвали все. Колебанія восприняты волей, благодаря ея отяжеленности. Эта отяжеленность вовлекла въ колебательныя движенія и всю субстанцію, т. е. и ея чистую часть. Очевидно, тутъ какая-то несвободность. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ похоть или чревоугодіе будутъ удовлетворены. Если она была нечистой, намъ будетъ стыдно, стыдно за то, очевидно, что мы подчинились, т. е. за то, что мы похоть сосчитали за свое собственное хотѣніе, стыдно за нашу слабость, за ошибку. Въ психологическомъ актѣ стыда, мы реально отдѣляемъ «Я», *то что стыдится* отъ не «Я» — *того, чего стыдятся* Чувство стыда доказываетъ

намъ, что похоть не часть наша, что она завладѣла нами и была въ сущности чуждой, даже враждебной нашему «Я» и тогда въ моментъ скрытой борьбы. Достаточно немного болѣе спокойной обстановки, когда страсть уже исчезла и осталось одно воспоминаніе о поступкѣ, чтобы мы свободно ихъ раздѣлили. Тутъ даже разумъ подтвердить то, что голосъ совѣсти въ переживаніи стыда уже доказалъ намъ значительно раньше; что похоть и инстинктъ чревоугодія есть поущеніе и потому есть грѣхъ, есть позоръ. Консолидирую свою волю, сплавляя ее химически съ волею моего хотѣнія — я сдѣлалъ постыдную ошибку, слабость, невидимую тогда въ моментъ страсти за кучей софизмовъ, услужливо представляемыхъ разсудкомъ и реально ощущимую въ болѣе спокойныхъ, объективныхъ условіяхъ. Ошибка заключается въ томъ, что тяжесть эту мы не умѣемъ отдѣлять отъ истинной волевой субстанции, что чуждой, низменный лярвическій голосъ мы не отдѣляемъ отъ своего. «Дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха».

Въ свою очередь, что представляется намъ слитнымъ сейчасъ, неизбежно раздѣлится при другомъ состояніи сознанія. Что-то каждый изъ насъ уже и сейчасъ отъ себя отдѣляетъ, что-то еще смѣшиваетъ съ собою. Только все отдѣливъ, только познавъ себя, откроемъ путь къ дальнѣйшему преодолѣнію, преодолѣвъ все — освободимся вполне. Всякій не «я» есть «ты». Чуждую намъ волю, на примѣръ волю похоти, тщеславія или чревоугодія мы должны методологически считать за волю нѣкоего «я», слитую съ нашей только въ нашемъ неразличеніи. Въ самомъ дѣлѣ элементъ сплава продолжаетъ въ какомъ-то смыслѣ существовать въ себѣ (in sich) — нагрѣвъ достаточно сплавъ, мы можемъ выдѣлить примѣси, т. е. вернуть его къ его самостоятельной жизни. Отдѣленная

косность субстанции даетъ нѣкій океанъ какой-то волевой субстанции, существованіе океана предполагаетъ существованіе личности ея носителя. Мы получаемъ нѣкое «ты», profession de foi котораго, его характеръ совпадаетъ съ характеромъ выдѣленной отяжеленности.

Что наши страсти намъ чужды, что онѣ порабащаютъ насъ, это понятно. Мы легко отдѣляемъ разумомъ то, что бессознательно давно уже отдѣляетъ наше нравственное чувство, наша совѣсть, въ данномъ случаѣ первичное ея проявленіе — стыдъ. Но оправданіе разума заключается въ томъ, что онъ можетъ помочь намъ идти дальше, хотя и подобенъ онъ всего лишь острому мечу. Талантливый въ анализѣ и раздѣленіи, онъ безсиленъ для обратной задачи соединенія и синтеза. Легко согласиться съ тѣмъ, что страсти суть нѣчто намъ внѣшнее. Онѣ присоединяются къ сознательнымъ нашимъ воленіямъ (волнамъ, достигшимъ берега), какъ мертвая зыбь, идущая издалека, подчасъ скрывающая отъ насъ тайну своего происхожденія. Эта мертвая зыбь налагается на наши волны, мѣняетъ ихъ форму, величину и движеніе.

Результатъ интерференціи — уже новая совсѣмъ другая волна, т. е. эмпирически какъ бы совершенно другая воля. Недостаточны оказались наши волны, ничтоженъ былъ ихъ размахъ, не сумѣли онѣ перебороть зыбь. Это первое раздѣленіе волнъ на собственные наши и на мертвую зыбь, въ сущности не нашу волю, ибо мы не знаемъ даже, гдѣ бушевала родившая зыбь буря.

Обѣ системы волнъ, слагаясь и путая первоначальную волю, выступаютъ какъ - будто бы монолитно и проявляются въ кажущемся единствѣ интерферированной волны. Но этого мало. Надо всмотрѣться въ самую косность волнъ, какъ таковую, которую мы раньше назвали внутренне самой субстанции присущей. Для этой цѣли по-

ступимъ такъ. Возьмемъ совокупность всѣхъ нашихъ волевыхъ актовъ. Вскрываемъ въ каждомъ изъ нихъ то, что мы въ немъ дѣлаемъ по инерціи въ силу традиціи квази-свободно. Будетъ получаться остатокъ, который пока насъ не интересуесть. Мы получаемъ рядъ выдѣленныхъ моментовъ. Каждый такой моментъ будетъ какъ бы фотокарточкой нашей «косности». Иными словами мы разсматриваемъ здѣсь, какъ непреложно по законамъ квази-физики нашего міра образуются волны опредѣленныхъ формъ и размѣровъ въ строгой зависимости отъ квази-физическихъ свойствъ субстанціи, ея плотности, вязкости и т. д. Теперь возьмемъ эти фото-снимки, какъ кадры, и *объединимъ ихъ кинематографически*. Получимъ замѣчательную вещь: объединеніе ихъ въ такую кино-ленту даетъ нѣкое *совершенно опредѣленное е д и н с т в о*, которое какъ намъ необходимо и удобно разсматривать, какъ нѣкій волевой организмъ, нѣкій самостоятельный океанъ воли, имѣющій собственное бытіе.

Тогда вліянія, исходящія отъ него будутъ актами воли *этого существа*, налагающимися на наши, а измѣненія, происходящія въ относительно постоянныхъ его свойствахъ будутъ съ этой новой точки зрѣнія эволюціей его темперамента. Отдѣляя отъ себя свою косность, мы ощущали, какъ ничто, чуждое намъ каждый кадръ; значитъ чуждо намъ и единство кино-ленты, значитъ это единство — не «я», значитъ это нѣкое «ты», хотя бы и условно. Отсюда вытекаетъ неизбежность допущенія одновременнаго существованія двухъ волей и теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ: какъ возможна Судьба?

Два океана волнъ химически срослись — они взаимно пронизаны сразу всѣми своими частями и сплавъ не выдастъ своихъ элементовъ.

Наша косность не есть наше внутреннее ор-

ганическое свойство, а *попустительство*, конечно отъ того не менѣе постыдное и ничуть не уменьшающее нашей отвѣтственности. Существованіе Судьбы — тоже наше попустительство, ибо она коренится въ этой же косности. Мыслимо состояніе сознанія, гдѣ свобода будетъ такъ чисто понята, а воля такъ сильна и сознательна, что Судьба не будетъ имѣть никакой власти надъ нимъ и будетъ отъметаться, какъ нѣчто чуждое, какъ нѣчто препятствующее творчеству жизни. А въ грядущемъ храмѣ общей гармоніи, гдѣ воли смогутъ быть только чистыми, онѣ войдутъ туда безъ отяжеленности, которая будетъ уже не просто отброшена и зачеркнута, а преобразится, какъ все въ мірѣ, и войдетъ въ общее единство только растворившись въ пламенности свободнаго бытія.

Поэтому Царство не будетъ знать мертвой предопредѣленности Судьбы, сейчасъ порабоощающей человѣчество. Судьба сама преобразится въ Свободу, ибо станетъ творчествомъ каждой личности.

2. Проблема воли коллектива и преобращеніе міра.

Истинной свободой будетъ не гордое одиночество воли, ея изолированность отъ внѣшнихъ воздѣйствій, когда якобы ничто не сможетъ помѣшать полному ея проявленію, а какое-то общеніе воли и именно общеніе любви, а не борьба и соревнованія. Каждая воля не можетъ быть изолирована, она — кирпичъ общаго зданія. Поэтому важно понять при какихъ условіяхъ, какая система воли, въ какомъ архитектурномъ построеніи, не будетъ нарушать внутреннюю окончательную свободу каждой воли. И съ другой стороны, когда свобода эта самымъ совершеннымъ образомъ разру-

шается, порабощается цѣликомъ нѣкоей коллективной волей. Два крайнихъ случая, познание которыхъ дастъ ключъ къ рѣшенію и всей проблемы. Начнемъ какъ будто издалека. Свобода воли коллектива личностей иного порядка, нежели свобода каждаго индивидуума. Воля коллектива не будетъ также простой суммой личныхъ волей. Она будетъ новой, единой волей иного типа, иной іерархической сущности. *Коллективная воля всегда меньше воли коллектива.* Вспомнимъ такія явленія, какъ модныя идеи, неожиданно завоевывающія всѣ головы, психологию толпы, сцены самосуда и т. д. Точно такъ же сумма частичныхъ свободъ не будетъ свободой суммарною. Общеніе двухъ людей очень свободныхъ, но взятыхъ изолировано, часто не даетъ еще *совершеннаго типа общенія.* Можно возразить, что два абсолютно свободныхъ человѣка должны самымъ своимъ присутствіемъ приносить атмосферу свободы, не только въ томъ, что непосредственно изъ нихъ исходитъ, но даже то, къ чему они только прикасаются, не тѣмъ ли болѣе ихъ общеніе. Но дѣло въ томъ, что окончательное освобожденіе возможно лишь черезъ фактъ освобожденія коллектива. Его освобожденіе сопутствуетъ преобразенію индивидуальной воли. Оба процесса строго с и н х р о н и ч н ы , т. е. наши два «совершенныхъ человѣка» смогли бы стать таковыми, только уже преобразивъ всевозможныя коллективы, въ которые они входятъ, въ частности коллективъ, рожденный ихъ общеніемъ. Каждый коллективъ, если онъ единообразенъ и, если на немъ лежитъ печать жизни и онъ можетъ быть мыслимъ, какъ нѣкое замкнутое единство, — подобенъ личности, ибо онъ имѣетъ свою волю. И какъ самосознаніе коллектива іерархически иного типа, такъ и внутренняя сущность и путь развитія ихъ волей тоже иныя. Однако волевая субстанція одной природы, потому освобожденіе личности, ея воли нель-

зя строить *внѣ освобожденія рѣшительно всѣхъ существующихъ* въ природѣ коллективовъ. Коллективы въ космосѣ налагаются одинъ на другой, взаимно пронизываютъ другъ друга. Воля, какъ и сознание человѣка, растворено въ рядѣ коллективовъ (напримѣръ, въ рядѣ переплетенныхъ социальныхъ организмовъ). Ихъ воли дѣйствуютъ на его волю, соединяются съ ней, вызываютъ тѣ или иные оттѣнки при ея проявленіи и чаще всего просто поработаютъ ее.

Возьмемъ конкретный волевой актъ и совершимъ по отношенію къ нему весь процессъ нашего анализа. Прежде всего мы тотчасъ же обнаружимъ его смѣшанность, сложность. Мы вынуждены будемъ разложить его на двѣ или больше составляющихъ: — внутреннюю и рядъ внѣшнихъ. Это будутъ опять кадры. Беря послѣдовательно для непрерывной цѣпи актовъ нашей воли аналогичные кадры, объединяя въ одну киноленту, мы получимъ опять опредѣленную волевою индивидуальность, такимъ способомъ нами выдѣленную совершеннаго опредѣленнаго «темперамента». Формально можно опять говорить, объ нѣкоемъ волевомъ организмѣ существующемъ съ нами, но чуждомъ нашему; обо всемъ исходящемъ изъ него, какъ объ актахъ его воли; о тѣхъ или иныхъ его воздѣйствіяхъ на волю нашу. Это эхо другихъ волей. Оно воспринимается человѣкомъ и часто ритмъ этого эха парализуетъ собственныя движенія воли, очень рѣдко существуетъ имъ. Въ этомъ первичное раздѣленіе на освобождающіе и поработавшіе коллективы. Все то, что мы здѣсь говоримъ очень важно, такъ какъ въ сущности человѣкъ почти не сталкивается непосредственно съ другой индивидуальной волей: для этого необходимъ актъ творчества, чаще онъ пассивно растворяется во всѣхъ его физически включающихъ коллективахъ, — его внутренняя свобода совершенно атро-

фируется. Условія нашей квази-свободы удовлетворяютъ даже и въ этомъ случаѣ. (Ибо для нея вѣдь достаточно, чтобы процессъ протекалъ «нормально»). Однако тутъ *квази-свобода переходитъ въ псевдо-свободу* и приводитъ къ реальному рабству. Среда поглощаетъ человѣка, какъ система волей безчисленныхъ коллективовъ иного порядка бытія, чаще всего болѣе могущественныхъ, чѣмъ одинокая беззащитная человѣческая воля. Возьмемъ какой нибудь социальный организмъ: централизованное государство (какъ одно изъ извращенныхъ формъ бытія націи), капитализмъ финансовый и «идеологическій» имъ же числа нѣсть. Всѣ такіе коллективы, разъ вызванные къ жизни человѣкомъ (вѣрнѣе поупущенные имъ) тотчасъ же по своемъ возникновеніи приобрѣтаютъ какъ бы *инерцію собственнаго существованія* и начинаютъ возвращаться къ творцу и человѣку съ самыми *властными требованіями*. Получается нѣчто подобно обратному вліянію на базисъ идеологическихъ надстроекъ марксизма.

Но больше того, кромѣ силы простой инерціи, которая сама можетъ правда становиться все болѣе и болѣе имперіалистической, въ такомъ бытіи капитализма или государства, какъ единой системы, мы начинаемъ видѣть развитіе *центробѣжной силы* этого движенія, *его ускоренія въ направленіи* разъ принятой этой системой. Это различіе инерціи и ускоренія въ развитіи коллектива мы всячески подчеркиваемъ. Дѣло въ томъ, что инерція его говоритъ о существованіи перваго толчка и о его преемственномъ бытіи во времени. Ускореніе его движенія, развитіе, его имперіализмъ уже говоритъ не столько о бытіи, сколько о существованіи внутренней, *имманентной коллективу воли*. Дальнѣйшее ультраимперіалистическое приводитъ коллективъ къ чудовищному распуханію — къ поглощенію многихъ окру-

жающихъ его болѣе слабыхъ организмовъ. Такимъ образомъ методологически въ порядкѣ нашего разсмотрѣнія мы приходимъ къ необходимости считать эту инерцію и тѣмъ болѣе ускореніе за акты воли, «имманентные» коллективу. Въ длительномъ бытіи такого организма, при внимательномъ анализѣ мы видимъ какъ бы усовершенствованіе его воли, *выявленіе* полностью его *темперамента*, его очищеніе отъ чуждыхъ ему свойствъ или наоборотъ загрязненіе ими. Во всякомъ случаѣ, бытіе не менѣе «живое», чѣмъ наше, а разъ такъ, то мы вынуждены считать его *личностью*. Разъ возникнувъ, тенденціи разрастаются, обогащаются, развиваютъ въ себѣ всѣ кроющіяся въ нихъ потенціи, рождаютъ новыя стремленія и неуклонно движутся впередъ, иногда съ необъяснимой мудростью преодолевая встрѣчаемыя препятствія. Чѣмъ не собственная воля, не собственный темпераментъ, не собственное даже *сознаніе*? Разница лишь въ томъ, что оно отъ нашего очень отличается. *Но въ порядкѣ нашего разсмотрѣнія это не является разницей*. Вѣдь важно то, что онъ существуетъ не только въ душахъ людей, но, что онъ имѣетъ свою идею, большую простой суммы всѣхъ его частей — это совершенно подобно другому «ты» съ другимъ сознаніемъ, съ другой волей. Пусть хоть условны, — такое разсмотрѣніе объяснить намъ всѣ явленія нашей вселенной, какъ воли. Квази — свободной волей этого іерархически высшаго волевого организма мы назовемъ инерцію его собственнаго существованія, его свободой будетъ центробѣжная сила движенія, его ускореніе по разъ выбранному направленію, его діалектическое развертываніе.

Мы обнажаемъ волевые стержни капитализма; волю и каркасы соціальныхъ организмовъ, въ которыхъ растворены мы: часто растворены безъ остатка. Они въ свою очередь реально суще-

ствують въ нашей душѣ. Качества ихъ разлагаются въ длинную гамму оттѣнковъ незримо переливающихся одинъ въ другой, но теряя ощущение разницы между смежными звеньями мы должны ясно различать по крайней мѣрѣ крайнія. Если въ душѣ завелась хоть искорка свободы, она непременно будетъ стремиться раздуть себя въ пламя, если даже пламя не вспыхнетъ, то само стремление непременно появится. Это становится тогда главной идеей, самымъ смысломъ существованія. А освободить себя значитъ освободить всѣхъ. Идея преображенія міра отнынѣ центральна въ этомъ проснувшемся сознаніи. Это краеугольный камень всего зданія, пробный камень всякаго нашего поступка. Освобожденіе человѣка сводится къ задачѣ преображенія міра. Поставимъ эту проблему и здѣсь для нашего «волевого міра». Мы имѣемъ хаосъ бушующихъ отяжеленныхъ волей. Временныя сцѣпленія бушеваній иногда создаютъ нѣкій прообразъ грядущаго гармоническаго космоса, въ который преобразится нашъ хаосъ. Но эту молитву хаоса, это мгновенье его экстаза всегда безжалостно разрушаетъ *время*. И тогда удвоенной силой обрушиваются на него стихіи и вновь повсюду однородно-бушующій хаосъ. Много есть стихій борющихся съ превращеніемъ хаоса. Самъ хаосъ, какъ таковой, имѣетъ инерцію своего скуднаго, ритмичнаго однообразнаго, при всемъ видимомъ блескѣ, существованія. Надо оцѣнить всѣ важныя въ нашей жизни стихіи съ точки зрѣнія ихъ положительнаго или отрицательнаго служенія нашему основному идеалу — дѣлу преображенія міра.

Вообще зло мы опредѣлили, какъ все, что объективно, т. е. дѣйствительнымъ, а не кажущимся только образомъ, является препятствіемъ акту преображенія міра; добро все то, что способствуетъ, что дѣлаетъ возможнымъ его осуществле-

ніе. Начнемъ со зла. Формы его гораздо красочнѣе отдаются человѣческому воспріятію, чѣмъ краски безплотныя формы добра. (Мы ближе гораздо къ исходному небытію, чѣмъ къ окончательной радости).

Итакъ, что будетъ зломъ конкретно. Преображеніе хаоса, т. е. превращеніе его въ космосъ мы мыслимъ, какъ какое то цѣлостное, единое событіе, сознание, сорадованье всѣхъ океановъ воли, всѣхъ преобразившихся изнутри, т. е. лишенныхъ своей отяжеленности. Выпаденіе хоть одной воли изъ чертоговъ царства будетъ сразу превращать все въ тотъ же исходный хаосъ. Ни малѣйшій компромиссъ здѣсь не возможенъ. Ни одна личность, ни одна воля не могутъ быть потерянными для міра. Что то единое объединить ихъ. Архитектоника будетъ симфоніей (единство нарастанія и внутренняя необходимость каждаго элемента). Теперь поставимъ вопросъ — какія воли, какихъ океановъ наиболѣе препятствуютъ нашей идеѣ. *Намъ методологически необходимо и достаточно разсмотрѣть только крайніе случаи:* самого злого и самого добраго, т. е. наименѣе благопріятствующаго и наиболѣе способствующаго, приближающаго моментъ преображенія. Надо понять зло, какъ самую концентрацію идеи непреображеннаго хаоса. Опредѣливъ эти *крайніе случаи*, мы тѣмъ самымъ познаемъ всѣ другія возможныя воли, размѣщенныя по единой шкалѣ отъ добра ко злу. Мы видѣли, что самостоятельныя воли соціальныхъ организмовъ, суть воли коллективовъ, іерархически внѣшнихъ, нежели воля отдѣльнаго человѣка и часто значительно болѣе сильныхъ. Если возьмемъ сами эти организмы — коллективы и разсмотримъ ихъ въ свою очередь, какъ элементы, то скоро замѣтимъ ихъ собственную зависимость отъ составляемаго ими самими «сверхъ-коллектива». Вступаетъ на сцену, какъ бы

воля *коллектива-коллективовъ*, черезъ нихъ проявляющаяся. Это воли сверхъ-коллектива еще новаго типа и большей іерархической высоты. Для насъ важно лишь, что она, эта сверхъ-воля, обладаетъ вполне опредѣленнымъ «темпераментомъ» и ея *profession de foi* является препятствованіемъ преображенію міра. Это какъ бы квинтъ-эссенція злого въ каждомъ коллективѣ, злое зла не будетъ этому чрезмѣрно удивляться. Почти каждый коллективъ въ фокусѣ своей воли концентрируетъ все парциально злое, что таится неявно въ каждомъ его членѣ. Вспомнимъ такъ называемую психологию толпы, сцены самосуда, погромовъ и т. д. И позволительно даже спросить, есть ли эмпирическіе коллективы, интегрирующие все доброе, что есть въ составляющихъ ихъ индивидуумахъ. Во всякомъ случаѣ до сихъ поръ главная сила не на ихъ сторонѣ.

Вопросъ этотъ столь же запутанъ и сложенъ, сколько важенъ, централенъ по сравненію со всѣми другими возможными «міровыми вопросами». «Весь міръ ищетъ своего преображенія, вся тварь стенающая» ждетъ его. И только до конца познавъ ее, эту царственную волю зла, и только въ этомъ случаѣ можемъ мы дѣйствительно бороться и дѣйствительно побѣждать во имя нашей великой идеи.

М. А р т е м ь е в ъ .